

ПРИЧУДЛИВАЯ и страшная история, рассказанная Фридрихом Дюрренматтом в его трагикомедии «Физики», неправдоподобна в той степени, в какой неправдоподобна, пользуясь выражением одного из современников Мольера, сама истина. Логика поведения империалистов, раздвинувших атомный психоз, и характер целей, к которым они стремятся, таковы, что чем последовательнее они действуют, тем дальше оказываются от здравого смысла, тем больше становятся похожими на заправских сумасшедших. Именно об этом свидетельствует своим ярким и злым памфлетом тивенный и пропихивающий сатирик. Он разоблачает в пьесе отвратительную, бесстыдную погоню империалистических разведок за сверхновейшими научными открытиями и теориями ученых-физиков.

Поначалу может показаться, что в построении пьесы драматург откровенно пародирует зачин классического детективного сюжета. С некоторых пор в respectableм санатории доктора Матильды фон Цанд, где проходят курс лечения состоятельные психопаты, стали совершаться загадочные преступления. Несколько месяцев назад один из больных, который выдает себя за Исаака Ньютона, задушил сиделку. Вслед за первым совершается второе убийство, а за ним и третье. Три медицинские сестры становятся жертвами беззаконных злодеяний. И не только персонал санатория, но и полиция более всего озабочены тем, чтобы не потревожить нервы пациентов и, упаси бог, не задеть их уважи-

мого самолюбия. Когда больной, выдающий себя за Альберта Эйнштейна, только что совершил убийство, начинает музицировать на скрипке, ему аккомпанирует сама владелица санатория, а старшая сестра Марта Боль (артистка Т. Сезеневская) с благобно-деревянными усердием оберегает этот трогательный дуэт.

Детективный сюжет сразу же оборачивается своей притворной и нелепой стороной. Убийцы заведомо поставлены в положение, освобождающее их от ответственности; закон и право оказываются выкруженными отступителем перед санаторными правилами внутреннего распорядка.

Одного из пациентов — Иоганна Вильгельма Мебуса (артист А. Подгур) издевает его бывшая жена Лина Розе (артистка А. Сергеева). Она вышла замуж за миссионера Оскара Розе и приводит трех сыновей познакомиться с отцом. Лина Розе совершает самое заурядное и пошлое предательство, но делает это с такой непосредственностью, с такой наивной верой в свою непогрешимость и с такой покаянно-простодушной честностью, что все понятия об ортодоксальной семейной морали, все нормы и правила буржуазного общества обнаруживают подлинную свою несправедливость, нравственную несправедливость собственного

НА СЦЕНЕ — ПАМФЛЕТ

Спектакль „Физики“ в Театре комедии

Отнюдь не по произволу памфлетиста смешались в «Физиках» смешное и трагическое, нелепое и страшное, правда и выдумка. Законы жанра оказались в данном случае в полном согласии с законами действительности. Американский ученый Лайнус Полинг закончил свою книгу «Не бывает войны!» горьким и знаменательным предупреждением: «Наука — это постоянные поиски истины; а не игра, в которой противники стараются обыграть друг друга». То, что ученый ошибался, доказал в своем остроумном памфлете Дюрренматт. Вся тайная дипломатия и тотальный шпионаж буржуазных стран свидетельствуют, что научные открытия уже давно стали предметом самой откровенной и нечистой игры. От того, что шпионаж теперь ведется на самом, как говорится, высоком уровне, и от того, что к участию в нем привлекаются крупнейшие ученые, ой, увы, не перестает быть шпионажем.

Конечно, во всей истории, разгравшейся в стенах санатория Матильды фон Цанд, можно было бы усмотреть одну только внешнюю, комическую ее сторону. Ведь в пьесе, в сущности говоря, нет сколько-нибудь глубоко раскрытых

характеров, люди, действующие в ней, условны, а сюжет анекдотичен. Тем не менее постановщик спектакля Н. Лившиц поступил, как мне кажется, правильно, не подчеркивая, не усугубляя театральными средствами возникающие в действии пьесы комические ситуации и трактуя их как ситуации мясной комической, полные не деле истинного драматизма. Режиссер не отказался от перевода действия в план безудержной трагической буффонады, где смешное до упаду чередуется с ошеломляюще страшным.

Нотропиво, может быть, даже слишком нотропиво идет жизнь в мнимой санатории, где так старательно обманывают и ублажают мнимых безумцев. Естественно ведут себя люди — и те, которые выдают себя за безумцев, и те, которые с не меньшими усилиями выдают себя за нормальных. Даже то обстоятельство, что один из пациентов-физиков выдает себя за Ньютона и рядится в костюм XVII века, не кажется чрезмерно смешным, и прежде всего потому, что у Г. Тейха в этой роли нет ни тени шутовства и наигрыша, комиче-

ской бравады или самодовольного притворства. Бейтлер — Тейх носит свой старинный камзол и парик, не замечая их, словно не придавая никакого значения маскарade, в котором ему приходится участвовать. Немолодой и усталый человек, он давно уже перестал отделять самого себя от изображаемого им безумца, и такого, должно быть, логика всякой слишком далеко зашедшей игры, такого оборотная сторона всякого слишком расчетливого притворства.

Не пытаясь обелить себе задницу при помощи внешних комических приемов и А. Беняминов, играющий роль Эрнеста, пациента, именующего себя Альбертом Эйнштейном. Отнюдь не только смешон у него этот тщедушный, чуть нелепый и задумчивый человек с грустными глазами. Весь облик беняминовского Эрнеста самым разительным образом не соответствует той авантюриной роли, которая предназначена Эрнесту драматургом. Но именно это несоответствие придает всему его поведению особую сатирическую остроту, выразительность и достоверность. Работы Г. Тейха, А. Беняминова, А. Подгура, Л. Лютика, играющей Монике Штетлер, примечательны именно своей реалистической сдержанностью и психологическим лаконизмом, приобретающими в комедийном спектакле особенно важное значение.

Е. Уварова, исполняющая одну из самых важных в спектакле роль Матильды фон Цанд, рисует острый и своеобразный портрет замаскировавшейся умной и ловкой хищницы. Сценический рисунок, как всегда у Уваровой, изобретателен, причудлив и точен: ее Матильда фон Цанд вызывает к себе настороженный интерес. Однако в сцене, где Матильда считает возможным разоблачить себя, найденный актрисой внешний рисунок оказывается уже недостаточным. Здесь, по-видимому, требуются нешуточная внутренняя сила, своего рода одержимость и даже душевный размах — без этого она едва ли смогла бы переиграть своих мнимых пациентов. Настоящей силы и одержимости Уваровой явно не хватает, и от этого ее саморазоблачение приобретает несколько буффорский характер, становится чуть нарочитым и дидактическим по тону.

Ощущение этой нарочитости, быть может, усиливается замедленным иотяжеленным ритмом спектакля. Если бы действие развивалось энергичнее, диалоги велись в более живом темпе, решение, набранное режиссером, ничуть не пострадало бы, а, наоборот, приобрело бы большую основательность. Спектакль заслуживает того, чтобы работа над ним была продолжена.

С. ЦИМБАЛ



ПОНЕДЕЛЬНИК

14 января
1963 г.

3